



УДК 347.2

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ О ПРЕКРАЩЕНИИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПОСЛЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ИСКА

Петр ГУЙВАН,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Украины,
профессор Полтавского института бизнеса

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам существования срока охранительного материального права на иск в случае его реализации – предъявления притязания в суд. Автор теоретически обосновывает критическое видение научных концепций и существующей правоприменительной практики, согласно которым прерывание исковой давности не прекращается после надлежащего предъявления иска, а приостанавливается или прерывается. Обосновывается ошибочность данного подхода и несоответствие его реальной сущности охранительно-правовых отношений, связанных с юрисдикционной защитой нарушенного права. Установлено, что прерывание исковой давности, как исключение, может произойти после предъявления иска только в конкретных случаях, четко установленных материальным законом. В остальных ситуациях предъявление иска означает прекращение права на иск в связи с исчерпанием его содержания, а, следовательно, и срока его существования.

Ключевые слова: исковая давность, прерывание давности, прекращение срока.

LEGAL ISSUES REGARDING THE TERMINATION OF THE STATUTE OF LIMITATIONS AFTER FILING A LAWSUIT

Petr GUYVAN,

Candidate of Law Sciences, Honored Lawyer of Ukraine,
Professor of the Poltava Institute of Business

SUMMARY

The article discusses the issues of the temporary impact on the existence of a protective substantive right to claim in the event of its implementation – filing a claim in court. The author substantiates the author's critical attitude to previous and current theoretical concepts and existing law enforcement practice, according to which the interruption of the statute of limitations and the beginning of a new prescriptive course after a lawsuit is manifested as a general rule. The fallacy of this approach and the mismatch of its real nature of the legal protection relations associated with the jurisdictional defense of the violated right are substantiated. It has been established that interruption of limitation of actions, as an exception, can occur after a lawsuit has been filed only in specific cases clearly established by material law.

Key words: limitation of actions, interruption of limitation, termination of term.

Постановка проблемы. В цивилистической доктрине издавна возникал вопрос о влиянии на течение давностного срока – исковой давности такого юридического события, как предъявление иска в суд. Необходимо заметить, что в течение достаточно длительного времени правовой наукой так и не наработано понимание механизма, касающегося исчисления исковой давности в связи с предъявлением иска. Конечно же, проблема проявляется лишь в случае надлежащего предъявления искового притязания. Если суд в принятии заявления отказал или его вернул в связи с процессуальными нарушениями, то течение исковой давности не изменяется. Не останавливает и не прерывает течения такого срока, например, подача иска с несоблюдением правил подсудности, а также с другим предметом спора и другими материально-правовыми основаниями. Но при надлежащем иске давность, безусловно, претерпевает определенные изменения в своем исчис-

лении. В различных legislatures это влияние оценивается по-разному. Так, в ст. 204 ГК РФ утверждается, что срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права. Иначе говоря, утверждается, что давность на время рассмотрения гражданского спора приостанавливается. Мы считаем такой подход крайне неудачным, ибо он не может дать ответов на вопросы, связанные с судьбой давностного срока в случае решения спора по существу, возможностью повторного предъявления иска по тем же основаниям к тому же ответчику и ряд других.

В украинском Гражданском кодексе применено другое, более правильное по сути правило, хотя и в нем имеется несколько изъянов, в первую очередь, технического характера. В ст. 264 ГКУ, которая называется «Прерывание тече-

ния исковой давности», указывается, что давность прерывается совершением лицом действия, свидетельствующего о признании им своего долга или иной обязанности, а также давность прерывается в случае предъявления лицом иска к одному из нескольких должников или, если предметом иска является лишь часть требования, право на которое имеет истец. После прерывания течение исковой давности начинается заново. Время, истекшее до прерывания течения исковой давности, в новый срок не засчитывается. Как видим, в отличие от остановки, прерывание исковой давности связано не с наличием объективных и независящих от воли носителя права обстоятельств, а происходит по воле должника или кредитора при наличии предусмотренных в законе оснований. В таких случаях давностный срок прекращает свое течение, а после отпадения указанных оснований начинает течь снова. Закон устанавливает специфические основания для прерыва-



в число которых он относит, в частности, предъявление иска.

Это основание существовало в качестве такового и ранее. Так в чем же отличие его от ныне предложенного? Решает ли новая редакция правила ст. 264 ГКУ извечный вопрос о возможности прерывания довного течения по требованиям к тому же ответчику и с теми же условиями в случае подачи судебного притязания?

Цель статьи. В цивилистике имеется достаточно большое количество исследований, связанных с прерыванием исковой давности в случае предъявления иска. Определенное внимание данному вопросу посвятили такие ученые, как И.Е. Энгельман, Б.В. Попов, В.В. Луць, М.А. Гурвич, А.А. Головкин, Л. Вострикова, Б.Б. Черепашин, К.Ю. Лебедева, С. Горовец, Л. Гаркуша и др. Однако приходится констатировать, что большинство из них пришли к ошибочным выводам, именно учитывая оторванность предлагаемого юридического инструментария от общественной сущности конкретных материальных взаимоотношений. Реальной правовой природе темпорального влияния искового притязания на продолжительность самого материального права на иск посвящено очень мало научных исследований, большинство юристов как заклинание упорно повторяют старую догму «предъявление иска прерывает исковую давность», не прибегая к детальному изучению оснований и назначения нового течения давностного срока, что по их убеждению начался, содержания и возможностей носителя права, которое может быть реализовано в новых временных рамках. Как предыдущие, так и современные доктринальные исследования вопроса вместо того, чтобы тщательно изучить реальность влияния искового притязания на срок субъективного материального права на иск, которое своевременно реализовано и таким образом прекратило свое существование в связи с полным исчерпанием, преимущественно ограничиваются простой констатацией факта: исковая давность прерывается или останавливается предъявлением иска, не прибегая к анализу последствий такого явления для дальнейшего давностного течения [1, с. 180]. Правовое исследование существующих доктринальных разработок в этой области, выявление их недостатков и достоинств и разработка направлений дальнейшего научного и законодательного движения является целью данной работы.

Изложение основного материала. Сегодня вполне очевидным выглядит то обстоятельство, что юридическая концепция, которой руководствуются украинские правотворческие и правоприменительные органы, является абсолютно устаревшей и по сути неверной. Она заключается в том, что исковая давность после предъявления иска прерывается по всем искомым требованиям к тому же ответчику, вытекающим из предмета и обоснованности поданного притязания [2]. При этом остается непонятным, почему, комментируя вполне очевидное новое содержание указанной нормы, большинство исследователей вновь указывает на всеобщность правила: прерывание исковой давности происходит в случае предъявления иска с требованием о погашении долга или выполнении другой обязанности [3, с. 641–642]. Толкование вроде приведенного не соответствует сегодня ни действующему законодательству, ни реальной сущности комментируемых отношений. Истоки такого подхода кроются в исторических аспектах правовой оценки результативности исковой давности как темпорального материального института и неспособности современных исследователей и практических юристов адаптировать его инструментарий для ситуаций, которые кардинально изменились, как в доктринальной, так и в практической плоскости.

Неудачную, на наш взгляд, правовую конструкцию, согласно которой исковая давность прерывается предъявлением иска, можно было бы объяснить как агавизм достаточно популярного в позапрошлом веке тезиса о том, что исковая давность является способом погашения нереализованного материального права. Согласно данной концепции право, для реализации которого владелец не совершает активных действий, постепенно погашается. Если учесть, что в то время не существовало деления на регулятивные и охранительные правоотношения, то указанное правило распространялось на все материальные субъективные права. Иногда оно приобретало распространение и на процессуальные отношения: так, не совершение процессуальных действий истцом после возбуждения производства по делу в течение определенного срока прекращало не только право на защиту, но и само охраняемое гражданское право. Это означает, что, например, «нехождение» в процессе истца по делу влечет за собой давностное

права на иск. Но даже по данной теории новый срок давности начинался не от его прерывания, а только с тех пор, когда движение по делу прекратилось, то есть с момента последнего действия истца. При этом не мог относиться к новому течению период активного производства, поскольку уполномоченное лицо не было бездействующим [4, с. 462].

Если бы указанное правило применялось в настоящее время, было бы логичным введение предписания о новом течении исковой давности после предъявления иска. Но только с того момента, от которого закончились активные действия в правоприменительном процессе. Однако, современная цивилистическая теория однозначно оценивает исковую давность не как время для погашения материального права, а как срок для судебной защиты нарушенного субъективного права. Это существенно меняет оценочный подход к определению роли исковой давности.

Законодательное правило о прерывании и новом течении исковой давности после предъявления иска не только не соответствует внутренней сущности регулируемых отношений, оно приводит к абсолютной неопределенности относительно того, какое же субъективное право может быть осуществлено в течение нового срока. Ведь исковое притязание по соответствующим конкретным требованиям уже реализовано, а по действующему национальному законодательству повторная его реализация невозможна. Впрочем, в литературе встречаются попытки дать какое-то научное объяснение данной откровенно неудачной юридической конфигурации. Некоторые исследователи соглашались на существование такого правового механизма, но с оговоркой о его применении только к частным случаям, связанных с дальнейшим процессом по делу. Так, указывалось, что исковая давность, прерываясь с предъявлением иска, начинается снова и истекает в случае «нехождение» по делу, а если произошло приостановление рассмотрения дела – новый ход начинается с момента приостановления [5, с. 21]. Такое объяснение не может заслуживать на положительную оценку. Мало того, что оно увязывает течение срока для защиты права посредством обращения в суд с действиями правообладателя уже после такого обращения, так еще и указывает на возможность существования нескольких таких течений: одно – со времени нехождения, другое – с момента приостановления производства.



Наиболее популярным является утверждение о начале нового давностного течения с момента предъявления иска только в случае дальнейшего приостановления производства по делу [6, с. 154]. Подобной позиции придерживаются К.И. Ильиних [7, с. 13] и М.А. Гурвич, который, в частности, утверждал: «Прерывание исковой давности в связи с предъявлением иска происходит только в случаях приостановления судом дела по данному иску» [8, с. 24]. В современной литературе вместо предложений откорректировать закон тоже встречаем попытки как-то обосновать откровенно неудачный устоявшийся подход. В частности, указывается на то, что в отдельных случаях прерывание исковой давности может не сопровождаться началом нового течения, или новый ход может начинаться через некоторое время после прерывания в случае наступления определенного обстоятельства, скажем, при остановке производства по делу [9, с. 132].

Отдельные исследователи строили более оригинальные конструкции правового воздействия события предъявления иска на течение давностного срока. Так, А. Головки утверждал, что новый ход начинается лишь в случаях, когда: 1) иск был направлен по почте, о чем свидетельствует квитанция, но был потерян; 2) иск был предъявлен должным образом, но пока не рассмотрен. Оставим без комментариев первый из приведенных случаев. Большой интерес представляет вторая ситуация – заявление истца не рассмотрено по существу. Автор указывает, что новый исковой срок течет с момента обстоятельства, согласно которому дело приостанавливается или прекращается [10 с. 13–14]. О.С. Иоффе тоже отмечал, что исковая давность прерывается в момент предъявления иска, однако новое ее течение начинается со дня окончания производства, не связанного с решением спора. При этом давность не может истечь в ходе рассмотрения дела по существу не в связи с ее остановкой или прерыванием, а потому что в это время происходит рассмотрение компетентными органами вовремя заявленного требования [11, с. 338–339]. Другие ученые отстаивают несколько особую позицию по данному вопросу. Они также указывают, что с предъявлением иска давность прекращает свой ход, а после отпадения определенных законом обстоятельств начинается новое течение. Необходимым при этом обстоятельством, в частности, является нормальное движение судо-

производства по делу до вынесения судебного решения. Новое течение начинается с окончанием такого движения: с момента приостановления или окончания разбирательства. При этом после вступления решения в законную силу начинается новое давностное течение, которое одновременно является давностью по исполнению судебных решений [12, с. 287]. К разновидностям исковой давности относят срок принудительного исполнения судебного решения и другие исследователи [10, с. 6].

Указанные правовые построения имеют несколько недостатков. Если детально проанализировать первую из этих концепций, то видим, что прерывание давности происходит не с момента предъявления иска, а зависит от времени остановки процесса или момента, когда обстоятельства, повлекшие приостановление, отпали. Однако такое толкование обоснованности прерывания исковой давности фактически нивелирует ее как материально-правовой институт. Ведь срок, в течение которого субъект (заметим, другой, чем истец) может сдвинуть процесс, который «завис», является типичным процессуальным сроком со всеми присущими процессу особенностями. Тем более недопустимо отождествлять материальный давностный срок со временем исполнения решения суда. Реализация права на иск, которое возникло после нарушения, может произойти, если уполномоченное лицо в течение установленного срока обратилось в суд. При этом исковая давность не касается времени принудительного осуществления судом искового требования, а лишь регулирует продолжительность притязания.

Что касается предложений комментируемых концепций о возможном прерывании срока давности с момента закрытия производства, то они категорически должны быть оценены негативно. После вступления в силу соответствующего постановления повторное обращение в суд невозможно. Право на иск по данному требованию прекращается, а вместе с ним и срок существования этого права – исковая давность.

Поэтому необходимо придти к обоснованному выводу, что, исходя из сущности временных характеристик субъективного искового права лица, оно подлежит только однократовой реализации, а затем само право прекращается, соответственно прекращается и срок его осуществления, как время существования субъективного полномочия, которое

прекратилось. С учетом этого в правоприменительной практике не должно возникать ситуаций, когда предъявление иска приведет к прерыванию исковой давности по тем же требованиям к тому же ответчику. И это есть универсальное правило, применение которого не зависит от того, каким образом завершился судебный процесс.

Стоит отметить, что современное законодательство гораздо действеннее, чем предыдущие, касающиеся прерывания течения исковой давности при предъявлении иска. И сегодня уже как бесспорное выглядит правило, что прерывание давностного течения как исключение из общего правила происходит только в части требований к должнику, которые не охвачены содержанием притязания, или в отношении должников, не являющихся ответчиками по иску. Впрочем, в действующем законе также присутствуют определенные противоречия и неточности, что создает проблему при практическом применении. В частности, это позволяет отдельным исследователям, вопреки логике, комментировать ч. 2 ст. 264 нового украинского Гражданского кодекса таким образом, что с совершением иска к одному из нескольких должников прерывается течение давности по требованиям к должнику который является ответчиком, а если предъявлен иск в части требования, право на которое имеет истец, течение исковой давности по именно этой части требования прерывается и начинает течь заново. Следовательно, в отношении требований к другим должникам или части долга, не охватываемых предъявленным иском, исковая давность не прерывается [15, с. 110–111]. Такое толкование очевидно является ошибочным, но, не в последнюю очередь, оно вызвано недостаточной четкостью самого нормативного правила, о чем уже указывалось в литературе.

На самом деле, прерывание исковой давности предъявлением иска касается только другой (непредъявленной) части требований, право на которые имеет истец, и к другим, чем указанные в иске, должникам. Только данное охранительное право продолжает существовать, и только в этом случае имеется смысл нового течения давности после предъявления иска. Иными словами, это единственно возможная для прерывания течения давностного срока предъявлением иска ситуация, когда иск предъявлен к одному из нескольких должников, или, когда предметом иска является лишь



часть требования, право на которое имеет кредитор. При этом исковая давность прерывается в отношении требований к другим, чем ответчик, лицам и с другим предметом. По этим требованиям, не охваченным предъявленным иском, начинается и заканчивается новый давностный срок. Именно так следует воспринимать положения ч. 2 ст. 264 ГКУ. Их, хотя и с определенными замечаниями технического характера, необходимо признать изложенными правильно по сути. Ведь, учитывая реальную юридическую природу материального права на иск и его темпорального опосредования, действующий подход кардинально изменил неудачную редакцию, которая находилась в ст. 79 ГК УССР.

Правильность высказанные доводы подтверждается наличием значительных споров и расхождений среди авторов предыдущих правовых конфигураций, отсутствием устойчивой и для всех приемлемой концепции, а также тем широким разночтением и парадоксальными ситуациями, которые имеют место в правоприменительной практике при применении старых подходов. К аргументам в пользу именно такого толкования перерыва давности с предъявлением иска можно отнести и доктринальные исследования, которые были проведены в разные годы, и международные правовые акты.

Очевидно, что ученые-цивилисты на протяжении длительного периода изучения исследуемой сейчас проблематики просто не могли не видеть противоречия реалий и искусственно созданной теоретической надстройки, которая реализовывалась в практической плоскости. В то же время, соответствующие научные работы не имели достаточно глубокого аналитического содержания и не отличались комплексностью. Конечно, время от времени отдельные авторы акцентировали внимание на нелогичности давностного течения после предъявления иска по тем же притязаниями, которые уже реализованы. Так, И.Б. Новицкий указывал, что при решении судом спора по существу положения закона о прерывании исковой давности с предъявлением иска не имеют силы, для истца отпадает необходимость и возможность обращаться с новым иском, поэтому отпадает и вопрос об исковой давности [13, с. 90].

Б.Б. Черепакин, анализируя данный вопрос, достаточно справедливо указывает на практическую нереальность нового течения исковой давности по данным требованиям после предъявления иска, прав-

да, все-таки оставляя теоретическую возможность его возникновения [14, с. 88]. Однако, предостережения автора выглядят неубедительно и практикой не подтверждаются. Поэтому предложенное им толкование прерывания исковой давности в случае предъявления иска в понимании продолжающегося перерыва (промежутка времени) до возможного начала нового течения не имеет практической ценности, а только запутывает ситуацию. Заслуживает внимания позиция И.Е. Энгельмана, который практически отождествляет прерывание с прекращением исковой давности. Ученый утверждает, что одинаковый правовой результат достигается после надлежащего предъявления иска и после добровольного устранения нарушения обязанным лицом охранительно-правовой обязанности, и в том, и в другом случае право на иск прекращается [4, с. 447]. Как видим, общим во всех приведенных теориях есть, во-первых, то, что в результате прерывания исковой давности приостанавливается дальнейшее течение данного давностного срока, а, во-вторых, что срок давности после надлежащего предъявления иска теряет всякое существенное значение. Это было весьма важным постулатом, хотя он в свое время не получил подробного правового обоснования и нормативной регламентации.

В современной украинской литературе также звучали высказывания о том, что после принятия судебного решения вопрос об исковой давности становится неактуальным. В частности, С. Горовец справедливо указывает на бессмысленность дальнейшего течения исковой давности после вынесения судом решения по существу спора, поскольку после этого исчезает непосредственный объект, который нуждается в защите (нарушенное право или интерес) [15, с. 103–105]. Данная позиция является существенным шагом вперед по сравнению с той, которая заключалась в исчислении нового общего давностного срока от предъявления иска до истечения трехлетнего периода, безотносительно к ходу судебного рассмотрения спора [16 с. 7]. Однако, на наш взгляд, необходимо пойти дальше и четко определиться, что, независимо от течения дальнейшего рассмотрения дела, надлежащее предъявление иска прекращает исковую давность по требованиям определенного лица того же содержания и к тому же должнику, а не прерывает ее.

Из проведенного исследования следует сделать определенные **выводы**. Не вызывает сомнений тот факт, что:

1. Новый давностный срок начинает свой ход сразу после момента прерывания.
2. При предъявлении в установленном порядке иска прерывается только исковая давность по требованиям данного кредитора к другим солидарным должникам или относительно другой части того же самого (предъявленного) требования. Что же касается материального права на иск, то оно в реализованном объеме при подаче иска прекращается. Следовательно, и срок существования данного права – исковая давность также прекращается. Это происходит в связи с невозможностью повторного осуществления уже реализованного права. В свете изложенного вполне наглядной потребностью времени является корректировка законодательства в данной сфере, в результате чего должно утвердиться правило о прекращении исковой давности с предъявлением иска надлежащим образом. Такой результат следует рассматривать как общее правило. Из него, как это обычно бывает, будут определены исключения. Это касается прерывания исковой давности по требованиям к другим солидарным должникам при предъявлении иска к одному из них или по остальным требованиям при предъявлении иска за его частью. И именно как исключение, а не как правило, должна квалифицироваться правовая норма, отраженная в настоящее время в ч. 2 ст. 264 ГКУ.

Список использованной литературы:

1. Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 243 с.
2. Постановление Кассационного гражданского суда Верховного Суда от 23 мая 2018 г. по делу № 216/5756/15-с. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/74342577>.
3. Науково-практичний коментар до цивільного законодавства України : в 4 т. / Ярема А.Г., Карабань В.Я., Кривенко В.В., Ротань В.Г. Київ : «АСК», Севастополь : Інститут юридичних досліджень, 2004. Т. 1. 928 с.
4. Энгельман И.Е. В давности по русскому гражданскому праву. Историко-догматическое исследование. Москва : Статут, 2003. 511 с.
5. Попов Б.В. Исковая давность. Текст и комментарий к ст. 44–51 Гражданского кодекса РСФСР. Москва : Право и жизнь, 1926. 32 с.



6. Гражданское и семейное право Украины / отв. ред. Е.О. Харитонов. Москва : Одиссей, 1999. 544 с.

7. Ильиных К.И. Действие исковой давности в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1973. 22 с.

8. Гурвич М.А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. Москва : ВЮЗИ, 1961. 80 с.

9. Вострикова Л.Г. Сроки осуществления защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Москва, 2000. 159 с.

10. Головкин А.А. Действие исковой давности в советском гражданском праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1953. 14 с.

11. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Москва : Юрид. лит., 1967. 494 с.

12. Красавчиков О.А. Советское гражданское право. Москва : Высшая школа, 1985. Т. 1. 544 с.

13. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. Москва : Госюриздат, 1954. 247 с.

14. Черепанин Б.Б. Исковая давность в новом советском гражданском законодательстве. Актуальные вопросы советского гражданского права. Москва : Юрид. лит., 1964. Вып. 36. С. 71–93.

15. Горовець С. Переривання позовної давності: сутність і призначення. *Юридичний журнал*. 2005. № 12 (42). С. 102–111.

16. Бежевец А., Михайлова А. Вопросы проблемного долга. *Юридическая практика*. 2003. № 24. С. 1–7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуйван Петр Дмитриевич – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Украины, профессор Полтавского института бизнеса

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Guyvan Petr Dmitriyevich – Candidate of Law Sciences, Honored Lawyer of Ukraine, Professor of the Poltava Institute of Business

lawjur01@rambler.ru

УДК 340.15(470)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИРИЛЛА ТРИЛЕВСКОГО

Татьяна ГУМЕНЮК,
аспирант Университета экономики и права «КРОК»

АННОТАЦИЯ

В статье раскрыты особенности политико-правовой деятельности известного украинского адвоката, общественно-культурного и общественно-политического деятеля Кирилла Трилевского. Проанализированы общественно-политические факторы, повлиявшие на особенности его деятельности. Отражено вклад деятеля в развитие отечественного правозащитного движения второй половины XIX – начала XX вв., а также в становление политико-правовой мысли в украинских землях в указанный период. Показано содержание парламентской деятельности Кирилла Трилевского как посла австро-венгерского парламента по вопросу отстаивания прав и свобод родного народа.

Ключевые слова: Австро-Венгерский парламент, государство, Кирилл Трилевский, право, юрист.

POLICY AND LEGAL ACTIVITY OF KIRIL TRYLOVSKY

Tatiana GUMENYUK,
Postgraduate Student at the “KROK” University

SUMMARY

The article reveals the peculiarities of the political and legal activities of the well-known Ukrainian lawyer, public-cultural and social-political figure Kirill Trilovsky. Socio-political factors that influenced the peculiarities of its activity are analyzed. The contribution of the figure to the development of the domestic human rights movement of the second half of the XIX – beginning of the XX century, as well as to the formation of political and legal thought in the Ukrainian lands during this period is reflected. The content of the parliamentary activity of Kirill Trilovsky as an ambassador to the Austro-Hungarian parliament on the issue of defending the rights and freedoms of the native people is shown.

Key words: the Austro-Hungarian Parliament, lawyer, state, law, Kiril Trylovsky.

Постановка проблемы. Развитие отечественной историко-правовой науки на современном этапе предопределяет потребность исследования жизни и деятельности лиц, которые сыграли значительную роль в формировании украинской государственности. Их творческое наследие тесно связано с процессами становления украинского государства и права, а научные разработки и концепции не потеряли актуальность и до сих пор. Исследование политико-правовой деятельности Кирилла Трилевского имеет большое значение для осознания сути процессов государственного строительства, которые происходили в украинских землях во второй половине XIX – начале XX вв., понимание их значения для становления отечественного государства и права.

Актуальность темы исследования. Изучение политического и право-

вого аспекта деятельности Кирилла Трилевского выделяется чрезвычайной актуальностью в современной историко-правовой науке. Исследование его вклада в процессы отечественного государственного строительства дает возможность установить основные тенденции становления государственно-правовых институтов в Украине, проследить закономерности развития украинской государственности.

Состояние исследования. Исследованию личности К. Трилевского уделили много внимания таких ученых как Т. Андрусак, С. Баран, А. Бойчук, Л. Бойчук, В. Кульчицкий, В. Костицкий, М. Петрив, О. Святоцкий и другие. Однако политико-правовая деятельность К. Трилевского в трудах отмеченных ученых не нашла надлежащего комплексного отражения и потому, считаем, данный